

Небо не стихия человека, стихия его земля.
Сам он — существо, стоящее на грани меж зем-
лею и небом.

Карл Барт

Но все же кто-то должен был жизнью своей искупить древний грех — похищение огня. И случилось так: Хирон, благороднейший из кентавров (а кентавры — это полукони-полулюди), бродил по свету, невыносимо страдая от раны, полученной по нелепой случайности. Ибо однажды на свадьбе у одного из фессалийских лапифов некий буйный кентавр вздумал похитить невесту. Завязалась яростная борьба, и в общей свалке Хирон, ни в чем не повинный, был ранен отравленной стрелой. Терзаемый неотступной болью, без надежды на исцеление, бессмертный кентавр жаждал умереть и молил богов поразить его вместо Прометея. Боги вняли этой мольбе и избавили его от страданий и от бессмертия. Он окончил свои дни как простой смертный, уставший от жизни, и Зевс вознес его на небо сияющим Стрельцом меж созвездий.

*«Мифы Древней Греции в пересказе
Джозефины Престон Пибоди», 1897 г.*

I

Колдуэлл отвернулся, и в тот же миг лодыжку ему пронзила стрела. Класс разразился смехом. Боль взметнулась по тонкой сердцевине голени, просверлила извилину колена и, разрастаясь, бушуя, хлынула в живот. Он вперил глаза в доску, на которой только что написал мелом 5 000 000 000 — предполагаемый возраст Вселенной в годах. Смех класса, сперва раскатившийся удивленным визгливым лаем, перешел в дружное улюлюканье и обложил его со всех сторон, сокрушая желанное уединение, а он так жаждал остаться с болью наедине, измерить ее силу, прислушаться, как она будет замирать, тщательно препарировать ее. Боль запустила щупальца в череп, расправив влажные крылья в груди, и ему, внезапно ослепленному кровавым туманом, почудилось, будто сам он — огромная птица, встрепенувшаяся ото сна. Доска, вымытая с вечера, вся в беловатых подтеках, как пленка, обволокла сознание. Боль мохнатыми лапами теснила сердце и легкие; вот она подобралась к горлу, и ему теперь казалось, будто мозг его — это кусок мяса, который он поднял высоко на тарелке, спасая от хищных зубов. Несколько мальчишек в ярких ру-

башках всех цветов радуги, вскочив в грязных башмаках на откидные сиденья парт, со сверкающими глазами продолжали травить своего учителя. Невозможно было вынести этот содом. Колдуэлл заковылял к двери и закрыл ее за собой под звериный торжествующий рев.

Он брел по коридору, и оперенный хвост стрелы при каждом его шаге скреб по полу. Металлический скрежет и жесткое шуршание сливались в противном шарканье. В животе перекатывалась тошнота. Длинные тускло-желтые стены коридора качались перед глазами; двери с квадратными матовыми стеклами и с номерами классов казались пластинами какой-то опытной установки, погруженными в радиоактивную жидкость и излучавшими детские голоса, которые мелодично выговаривали французские слова, пели религиозные гимны, разбирали вопросы из учебника социологии. *Avez vous une maison jolie? Oui, j'ai une maison tres jolie**, за золото хлебов в полях, за горы в солнечных лучах, за зелень щедрую равнин в ходе нашей истории, дети (это голос Фола), авторитет федерального правительства, его власть и влияние возросли, но мы не должны забывать, дети, что наша страна была создана как союз суверенных республик. Соединенные, Господь благослови мой край и братства свет благой, над праведной землей... — Красивое песнопение продолжало неотвязно звучать в ушах Колдуэлла. — *Над морем воссияй*. Слышал он этот вздор, и не раз. Впервые еще в Пассейике. Как поразительно он переменялся с тех пор! Ему казалось, что верхняя его половина уходит в звездную твердь и плывет среди вечных сущностей, среди поющих юных

* У вас красивый дом? Да, у меня очень красивый дом (фр.)

голосов, а нижняя все глубже увязает в трясине, которая в конце концов его поглотит. Стрела, задевая об пол, всякий раз бередила рану. Он старался не наступать на больную ногу, но неровное цоканье остальных трех его копыт было таким громким, что он боялся, вдруг какая-нибудь из дверей распахнется, выйдет учитель и остановит его. В эту отчаянную минуту другие учителя казались ему пастырями ужаса, они грозили снова загнать его в класс, к ученикам. Живот сводила медленная судорога; и возле стеклянного шкафа со спортивными призами, смотревшего на него сотней серебряных глаз, на блестящем натертом полу он, не замедлив шага, оставил темную парную расплзающуюся кучу. Его широкие пегие бока дрогнули от отвращения, но голова и грудь, как носовая фигура тонущего судна, были упорно устремлены вперед.

Его влекло бледное, водянистое пятно над боковой дверью. Там, в дальнем конце коридора, сквозь окна, зарешеченные снаружи для защиты от дикарей, в школу просачивался дневной свет и, увязая в плотном маслянистом сумраке, вздувался пузырем, как вода в резервуаре с нефтью. К этому голубоватому пузырю света и толкал инстинкт мотылька высокое, красивое, двуединое тело Колдуэлла. Внутренности его корчились от боли; шероховатые щупальца шарили по небу. Но он уже предвкушал первый глоток свежего воздуха. Стало светлей. Он толчком распахнул двойные застекленные двери, грязное стекло которых было забрано металлической сеткой. Когда он сбегал вниз по короткой лестнице на бетонную площадку, стрела, взвихривая боль, билась о стальные стойки перил. Кто-то из учеников мимоходом нацарапал карандашом на поблескивавшей в полумраке глянцевитой сте-

не ругательство. Колдуэлл, решительно сжав зубы и в страхе зажмурившись, ухватился за латунную ручку двери и протиснулся наружу.

Из ноздрей у него вырвались две пушистые струи пара. Стоял январь. Ясное, синее небо сияло над головой, неотвратимое и все же таинственное. Огромная, ровно подстриженная лужайка за школой, обсаженная по углам соснами, зеленела в разгар зимы. Но зелень была мерзлая, жухлая, отжившая, ненастоящая. За школьной оградой, погромыхая на рельсах, полз в Эли трамвай. Почти пустой — было одиннадцать утра, и все ехали в другую сторону, в Олтон, за покупками, — он слегка раскачивался, и плетеные соломенные сиденья рассыпали сквозь окна золотые искры. Здесь, среди беспредельного и величественного простора, боль присмирела. Съежившись, она уползла теперь в лодыжку, угрюмая, злобная, уязвленная. Причудливая фигура Колдуэлла исполнилась достоинства: его плечи — узковатые для такого большого существа — расправились, и он шел пусть не величественным шагом, но со сдержанной стоической грацией, отчего хромота словно вливалась в его поступь. Он свернул на мощеную дорожку меж заиндевелой лужайкой и смежной с ней автомобильной стоянкой. У его брюха, сверкая под белым зимним солнцем, скалились радиаторы автомобилей; царапины на хромированном металле переливались, как бриллианты. От холода у него перехватывало дыхание. Позади, в оранжево-красном кирпичном здании школы, зазвенел звонок, распуская учеников, которых он бросил. Школьники с ленивым утробным гулом переходили из класса в класс.

Гараж Гаммела примыкал к территории олинджерской школы, отделенный от нее лишь узким,

неровным асфальтовым ручейком. И это было не просто случайное соседство. Прежде Гаммел много лет подряд был членом школьного совета, а его молодая рыжеволосая жена Вера и теперь преподавала физкультуру девочкам. Многие ученики и учителя были клиентами гаража. Старшеклассники ставили сюда на ремонт свои потрепанные машины, а младшие ребяташки бесплатно накачивали баскетбольные мячи. Сразу же за дверью, в большой комнате, где у Гаммела хранились счета и кучами громоздились закопченные каталоги запасных частей, а на двух деревянных столах, сдвинутых вплотную, в беспорядке были разбросаны старые потрепанные газеты, бумаги и пухлые пачки розовых квитанций на ржавых наколках, стоял ящик из тусклого стекла с зигзагообразной трещиной на крышке, заклеенной пластырем для шин, полный сластей в хрустящих обертках, и дожидался монеток из детских карманов. Здесь, на нескольких замасленных складных стульях, расставленных в ряд возле цементной ямы глубиной в пять футов, куда машина могла въехать прямо с улицы, учителя порой — правда, в последнее время все реже — сиживали в полдень, покуривали, жевали карамель, орехи в шоколаде, сосали драже от кашля с фабрики Эссика и, поставив туго зашнурованные, начищенные до блеска ботинки на загородку вокруг ямы, давали отдых своим истерзанным нервам, пока внизу, в трехстенной яме, темнолицые помощники Гаммела заботливо обмывали автомобиль, как огромного металлического ребенка.

К главному и самому большому помещению гаража вела покатаая асфальтированная дорога, асфальт был разбитый, растресканный, весь в колдобинах и пятнах, вспученный, как застывший по-

ток лавы. В широких зеленых воротах, куда въезжали автомобили, была дверь в человеческий рост, а на ней, под щеколдой, вкривь и вкось было наляпано синей краской: «ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРЬ». Колдуэлл поднял щеколду и вошел. Пришлось повернуться, чтобы закрыть дверь, и раненую ногу ожгло болью.

В теплой глубокой темноте вспыхивали искры. Пол мрачной пещеры был скользкий и черный от машинного масла. В конце длинного инструментального стола две бесформенные фигуры в защитных очках осторожно направляли куда-то вниз веерообразный огненный каскад, рассыпавший сухие брызги. Третья проползла на спине, сверкая круглыми белками глаз на черном лице, и исчезла под автомобилем. Когда глаза Колдуэлла освоились с темнотой, он увидел вокруг себя сваленные в кучи автомобильные части, которые казались хрупкими и призрачными: крылья, словно панцири мертвых черепах, ощерившиеся моторы, будто вырванные сердца. Шипение и сердитый стук порхали в сизом воздухе. Неподалеку от Колдуэлла старая пущатая печка сверкала сквозь разошедшиеся швы ослепительно красным жаром. Ему не хотелось удаляться от ее тепла, хотя стрела, засевшая в ноге, начала отогреваться и по животу прошла беспокойная дрожь.

В дверях появился сам Гаммел. Когда они шли друг другу навстречу, у Колдуэлла мелькнуло забавное чувство, будто он идет к зеркалу, потому что Гаммел тоже прихрамывал. В детстве он упал и сломал ногу, она теперь была короче другой. Он был сутулый, бледный, измотанный; трудные времена сломали искусного механика. Филиалы «Эссо» и «Мобилгэс» открыли у въезда в город, в нескольких кварталах от его гаража, свои станции техниче-

ского обслуживания, и к тому же после войны, когда всякий мог купить новый автомобиль на деньги, нажитые в военное время, заказы на ремонт почти иссякли.

— Джордж! У вас что, уже перерыв на завтрак?

Голос Гаммела, негромкий, но высокий, привычно перекрывал шум мастерской.

Колдуэлл ответил, но особенно резкие и частые удары по металлу заглушили его слова; он сам не слышал своего тонкого, напряженного голоса.

— Да нет же, у меня как раз сейчас урок.

— Так в чем же дело?

На сером, мягком лице Гаммела, усеянном белыми точками седой щетины, появилось тревожное ожидание, как будто всякая неожиданность непременно должна была причинить ему боль. Колдуэлл знал, что к этому его приучила жена.

— Вот, — сказал Колдуэлл, — полюбуйте, что сделал со мной один из этих чертовых мальчишек.

Он поставил раненую ногу на валявшееся рядом крыло и поднял штанину.

Механик наклонился к стреле и осторожно коснулся ее хвоста. В пальцы его глубоко въелась грязь, прикосновение их было мягким от машинного масла.

— Стальная, — сказал он. — Ваше счастье, что насквозь прошла.

Он подал знак, и небольшой треножник на колесах сам собой с дребезжанием подкатился к ним по неровному черному полу. Гаммел взял резак с локтевым упором, чтобы рычаг был побольше. От страха Колдуэлл почувствовал необычайную легкость, вся тяжесть его тела улетучилась, как улетаёт воздушный шарик из рук зазевавшегося ребенка. Из своей ошеломляющей невесомости Колдуэлл

попытался представить себе диаграмму сил для этих ножниц: выигрыш в силе равен приложенному усилию минус сила трения, помноженная на отношение плеча рычага АО (где О — ось ножниц) к плечу ОБ (Б — точка соприкосновения сверкающих изогнутых лезвий со стрелой), помноженная на выигрыш в силе от вспомогательного рычага в механике ножниц и на выигрыш в силе от нажима уверенной черной руки Гаммела, складывающийся из усилия пружинистых мышц и пяти крепких пальцев: $Vc \times Vc \times 5Vc =$ мощь титана. Гаммел нагнулся, и Колдуэлл мог бы теперь опереться на его плечо. Но, не зная, как на это посмотрит механик, он не решился и стоял прямо, подняв глаза кверху. Сырые доски потолка были бархатистыми от дыма и паутины. Коленом Колдуэлл почувствовал, как согнутая спина Гаммела дрожит вместе с инструментом; сквозь носок он ощутил прикосновение металла. Шаткое крыло качнулось. Плечи Гаммела напряглись, и Колдуэлл стиснул зубы, удерживая крик, — ему показалось, что резак вонзился не в металл, а в торчащий из его тела нерв. Серповидные челюсти заскрежетали; боль пронзила Колдуэлла, коротким броском взметнулась вверх по его телу, блеснула молнией; и тут плечи Гаммела расслабились.

— Не выйдет, — сказал механик. — Я думал, она полая, да не тут-то было. Джордж, делать нечего, пойдёмте к инструментальному столу.

Колдуэлл, едва волоча дрожащие ноги, которые подгибались и казались тонкими, как велосипедные спицы, пошел за Гаммелом и послушно поставил ногу на ящик из-под кока-колы, который механик вытащил из кучи всякого хлама под длинным столом. Стараясь не видеть стрелы, которая мешала ему смотреть вниз, как бельмо на глазу, Колдуэлл

стал пристально рассматривать большую корзину, полную испорченных бензонасосов. Гаммел подтянул к себе за цепочку электрическую лампу без колпачка. Оконные стекла были закрашены снаружи; на стенах между окнами висели подобранные по размерам гаечные ключи, круглоголовые молотки с обрезиненными рукоятками, электрические дрели, отвертки в ярд длиной, какие-то сложные зубчатые, коленчатые инструменты, названия и назначения которых ему никогда не понять, аккуратные мотки старой проволоки, калибромеры, плоскогубцы и всюду, наклеенные где только можно, заткнутые краями во все щели, рекламные плакаты, пожелтевшие, истрепанные, давнишние. На одном была изображена кошка с поднятой лапой, на другом — великан, тщетно силящийся разорвать патентованный приводной ремень. Один плакат гласил:

«БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО»,

другой, наклеенный на оконное стекло, предупреждал:

«БЕРЕГИ   ЗАПАСНЫХ НЕ ВСТАВИШЬ».

Грубой хвалой, возносимой грубому творению, на столе громоздились резиновые шланги, медные трубки, графитовые стержни, железные колена с резьбой, масленки, деревянные планки, тряпки, всевозможные пыльные осколки и обломки. Этот хаос материалов вперемешку с инструментами озарили ослепительные вспышки света с дальнего конца стола, где возились двое механиков. Они прилаживали что-то, похожее на узорный бронзовый пояс для женщины с тонкой талией и широкими бедрами. Гаммел надел на левую руку асбестовую перчатку и вытащил из груды хлама широкую по-

лосу жести. Надрезав ее, он ловким движением согнул ее наподобие щита и надел на стрелу, торчавшую из ноги Колдуэлла.

— Чтобы вас не обжечь, — объяснил он и щелкнул пальцами свободной руки. — Арчи, дай-ка на минуту горелку.

Один из его помощников, осторожно ступая, чтобы не споткнуться о волочащийся шланг, подал ацетиленовую горелку. Маленький черный кувшин изрыгал белое, зеленоватое по краям пламя. У самого носика была прозрачная пустота. Колдуэлл, стиснув зубы, подавил в себе страх. Стрела уже давно казалась ему живым нервом. Он весь подобрался, готовясь к неизбежной боли.

Но боли не было. Произошло чудо — его словно окружил огромный непроницаемый ореол. От пламени на столе и на стенах родились резкие треугольные тени. Придерживая рукой в перчатке жестяной щиток, Гаммел прищурился и без защитных очков поглядел на раскаленную шипящим пламенем сердцевину лодыжки Колдуэлла. Его мертвенно-бледное лицо решительно сморщилось, одержимо сверкали колючие глаза. Колдуэлл посмотрел вниз и увидел, как тонкая прядка седых волос упала Гаммелу на лоб, поредела и исчезла, словно растаяла в струе дыма. Механики молча смотрели. Казалось, этому не будет конца. Теперь Колдуэлл почувствовал, что ему горячо: раскаленная жель жгла ногу. Но, закрыв глаза, он представил себе мысленно, как стрела сгибается, плавится, ее молекулы расползаются. Что-то маленькое, металлическое звякнуло об пол. Тиски, сжимавшие ногу, ослабли. Он открыл глаза и увидел, что горелка погасла. Желтый электрический свет казался коричневым.